

На следующий день Бай Цици и Шэнь Сисюй отправились в школу на машине с личным водителем. Едва сев в автомобиль, Бай Цици откинулся на заднем сиденье и прикрыл глаза: он ещё не до конца оправился после тяжёлой болезни, поэтому его болезненный вид был вполне естественен. Шэнь Сисюй же, казалось, тяготился дорогой и то и дело поглядывал на Шэнь Сицзэ.

Не открывая глаз, Бай Цици прекрасно понимал, о чём думает Шэнь Сисюй, и знал: с его характером тот ни за что не станет держать мысли при себе.

И действительно, секунду спустя Шэнь Сисюй подался вперёд и спросил:

— В последнее время ты что-то слишком сблизился с младшим дядей?

Бай Цици лениво приоткрыл глаза:

— Нормально.

Шэнь Сисюй нахмурился, в его взгляде мелькнуло недовольство — Шэнь Сицзэ уже давно не смел разговаривать с ним в таком тоне. Покрутив на запястье механические часы, Шэнь Сисюй озарил своё красивое лицо улыбкой, в которой сквозило нечто до крайности наивное и вместе с тем злобное:

— Давай пообедаем вместе, второй братец.

Бай Цици слегка склонил голову, окинул его взглядом, медленно кивнул, а его зрачки чуть потемнели.

Шэнь Сисюй принял это за проявление страха и в полном удовлетворении вышел из машины.

Бай Цици никогда прежде не сталкивался со столь долгое время увядавшей человеческой школьной жизнью и видел её лишь в обрывках уцелевших воспоминаний, поэтому невольно испытывал любопытство. Проглотив школьную программу со скоростью урагана, сметающего всё на своём пути, он почувствовал сонливость. Для администратора подобные знания были чересчур простыми и до того скучными, что вторую половину он попросту проспал.

Проснувшись от звонка на обед под остатки дремоты, он покатил своё кресло-коляску к заранее оговорённому месту встречи.

Старый спортзал лежал в полном запустении; переулок, отделенный лишь одной стеной от старого жилого квартала, был завален строительным мусором и сваленными в кучу отходами. В промозглом полумраке царило зловоние, привлекавшее тучи мух и стаи крыс, которые устроили там целые поселения.

Раздался оглушительный грохот — прямо перед Бай Цици швырнули мусорный бак. Наружу вывалилась зловонная жижа, и в разные стороны бросились несколько грязных крыс.

При виде этой картины Бай Цици пришлось приложить немало усилий, чтобы его тут же не вырвало.

Шэнь Сисюй медленно вышел из укрытия и с высоты своего роста окинул Шэнь Сицзэ презрительным взглядом:

— Маленький калека, знаешь, зачем я тебя позвал?

Бай Цици тихонько погладил мягкие подлокотники кресла, поднял на него глаза и медленно улыбнулся.

В обычных обстоятельствах Шэнь Сисюй, пожалуй, предпочёл бы проявить осторожность и не показываться на глаза, но Бай Цици прекрасно знал: вчерашний день в школе не задался, и сейчас Шэнь Сисюй отчаянно нуждался в груше для битья.

Эта улыбка резанула Шэнь Сисюя по глазам, его лицо слегка изменилось. Его поразило: почему здесь, когда перед ним стоит мусорный бак, а его собственное достоинство втоптанно в грязь и стёрто в порошок, Шэнь Сицзэ всё ещё может улыбаться?

— Ты чё уставился? Чего лыбишься? — Шэнь Сисюй пнул мусорный бак, шагнул ближе и со злостью ударил ногой по лишённым чувствительности ногам Шэнь Сицзэ. — Чего ты улыбаешься?!

Бай Цици ничего не чувствовал, поэтому не испытывал никакой боли, однако его хриплый голос звучал абсолютно безмятежно:

— Не боишься, что я всё расскажу отцу? Неужели ты думаешь, что твоего положения хватит на кусок семейного пирога? Хватит мечтать: даже если наследником буду не я, тебе ничего не достанется.

Зрачки Шэнь Сисюя сузились.

Отец?

Он запрокинул голову и громко рассмеялся, чуть не дойдя до слёз:

— Не переживай, второй братец, даже если я убью тебя, отец подчистит все следы. Ну а твой пустой титул наследника...

Шэнь Сисюй с жестоким выражением посмотрел на бледное и слабое лицо подростка, занёс руку и без церемоний хлопнул его по щеке:

— Второй братец, ты слишком наивен. Всё в семье Шэнь принадлежит мне.

Нежная кожа мальчика мгновенно покраснела, на ней остались следы от ударов, но он продолжал сидеть неподвижно, словно вовсе ничего не чувствовал.

— Будь смирнее, глядишь, и оставлю тебе жизнь.

Шэнь Сисюй быстро наигрался в эту игру. Прозвенел звонок, и, словно выплескивая последние остатки накопившейся злости, он с размаху оттолкнул инвалидное кресло Шэнь Сицзэ прямо на гравийную дорожку, после чего широким шагом вышел из переулка.

Бай Цици с трудом приподнялся среди груды щебня. Казалось бы, самое простое движение, но для человека с парализованными ногами оно оказалось сложнее покорения небес. Переведя дыхание, он добрался до низкой стены и вытащил заранее спрятанную мини-камеру.

Словно не замечая царапин и синяков на теле, он довольно улыбнулся.

Первый конец верёвки оказался в руках.

Всё верно, Бай Цици давным-давно всё спланировал, и даже сегодняшнее избиение полностью контролировалось им. Он вытащил из штанины мягкую подкладку и бросил её за ограду. Чем сильнее Шэнь Сисюй гордился собой сегодня, тем сильнее растеряется в ближайшем будущем. Мягкие губы Бай Цици чуть тронула улыбка — он с нетерпением ждал этого дня.

Оставшуюся половину дня Бай Цици провёл в смертной тоске. Краснота на щеке уже сошла, а следов от побоев на ногах никто не увидел: учителя и одноклассники даже не догадывались, через что ему пришлось пройти. Да и узнай они, что бы это изменило?

После уроков водитель увёз Шэнь Сисюя. Это был излюбленный трюк Шэнь Сисюя, к которому он прибегал каждые пару дней: под предлогом дополнительных занятий Шэнь Сицзэ в школе он бросал его одного и уезжал раньше. Бай Цици даже не хотел тратить силы на столь примитивные фокусы и сразу же набрал номер Шэнь Цзюаня.

— Младший дядя, ты можешь забрать меня из школы? — его голос мгновенно изменился, стал мягким и робким, в нём послышалась затаённая хрупкость, словно перед ним была стеклянная безделушка, готовая разбиться от малейшего прикосновения.

Тем временем Шэнь Цзюань слушал отчёт секретаря по рабочим вопросам. Получив звонок от Шэнь Сицзэ, он взглянул на часы: было уже семь вечера, уроки давно закончились, и оставалось лишь гадать, сколько времени парень прождал его. Он тут же махнул рукой, прерывая секретаря:

— Остальное сбрось мне на почту, я поеду заберу одного человека.

Глядя на то, как шеф спешно удаляется, секретарь впервые взглянул на своего босса совершенно иначе.

С каких это пор босс стал таким нетерпеливым? И всё ради какого-то второго молодого господина семьи Шэнь.

Бай Цици сел в машину Шэнь Цзюаня уже спустя полчаса. Когда Шэнь Цзюань попытался устроить его на заднем сиденье, парень внезапно ухватился за его рукав.

Опустив взгляд, мужчина увидел, что Шэнь Сицзэ снизу вверх смотрит на него и тихо произносит:

— Младший дядя, можно я сяду впереди?

Шэнь Цзюань впервые видел Шэнь Сицзэ так близко: те прекрасные глаза неотрывно смотрели на него, а в их чистом блеске читалась робкая просьба. Сердце Шэнь Цзюаня впервые дрогнуло и дважды гулко стукнуло — этот взгляд казался поистине завораживающим, и мужчина машинально ответил:

— Хорошо.

На пассажирском сидении Бай Цици прижался лбом к стеклу, сосредоточенно глядя на проплывающие мимо яркие огни ночного города.

Следя за дорогой, Шэнь Цзюань нарушил царившую в салоне тишину:

— На что смотришь?

Бай Цици мягко ответил:

— На этой улице есть очень вкусный сычуаньский ресторанчик. Раньше мы часто ходили туда с одноклассниками. Хозяйка там замечательная, всегда подкладывала нам порции побольше.

Возвращаться домой в такое время всё равно было нечего, поэтому Шэнь Цзюань просто свернул на нужную улицу.

— Младший дядя? — удивлённо и растерянно моргнув, парень снова откинулся на спинку сиденья и повернулся к нему.

Вывеска сычуаньского ресторана возле элитной средней школы сияла всеми оттенками алого. Закатив Шэнь Сицзэ внутрь, Шэнь Цзюань бегло окинул взглядом обстановку и слегка удивился. Обычно молодые господа из семьи Шэнь посещали лишь фешенебельные заведения, где их встречали роскошные интерьеры, свежий очищенный воздух и обходительные официанты, а рестораны ниже трёх мишленовских звёзд вообще не стоили их внимания. Но этот сычуаньский ресторанчик выглядел непритязательно, был тесным, а атмосфера в нём стояла шумная. И неужели Шэнь Сицзэ и впрямь ходил в такие места?

Они выбрали свободный столик. Бай Цици привычным движением вытянул из салфетницы две

бумажные салфетки и протёр стол:

— Младший дядя, здесь действительно очень вкусно.

Он посмотрел на Шэнь Цзюаня сияющими глазами. Высокий и стройный, от охватившего его предвкушения он казался ещё ярче, а из-за бледности кожи его черные глаза выглядели неестественно, безумно красиво. Шэнь Цзюань был вынужден признать: нынешний Шэнь Сицзэ совсем не походил на того, кого он привык считать Шэнь Сицзэ. По крайней мере, по своей натуре он не был похож на остальную грязь из клана Шэнь.

Хозяйка подошла к столику с меню и, заметив Шэнь Сицзэ, радостно всплеснула руками:

— Ой, ты же ученик из средней школы поблизости! Давно тебя не было видно.

Дело было вовсе не в феноменальной памяти хозяйки — просто лицо Шэнь Сицзэ отличалось настолько яркой красотой, что забыть его было трудно. Заметив стоявшее рядом кресло-коляску, она заметно растерялась:

— Ой... А что случилось-то?

Пальцы Шэнь Цзюаня сжались сильнее, и он невольно посмотрел на парня.

Однако подросток ничуть не смутился и не попытался скрыть болезненную тему — он с жизнерадостной улыбкой постучал себя по ногам и ответил:

— На днях навернулся во время баскетбола, сломал кости. Врачи строго-настрого запретили ходить, велели как следует отлежаться в кресле, скоро всё заживёт.

Шэнь Цзюань замер. Его глубокий взгляд устремился на лицо подростка, на его лучезарную улыбку, а в памяти всплыли все те холодные приёмы и насмешки судьбы, с которыми тот сталкивался изо дня в день. В груди мужчины неожиданно шевельнулось сочувствие — в нём проснулось давным-давно забытое понимание чужой боли.

Он никогда не забудет, как бабушка перед смертью крепко сжимала его руку. Её память уже подводила, и она приняла внука за его отца, из мутных глаз текли горькие слёзы, а дрожащий голос спрашивал:

— Тебе больно, сынок?

Он помнил, как в тот день крепко держал бабушкину руку и сквозь сжатые зубы отвечал:

— Ни капельки, всё уже прошло.

Глядя на Шэнь Сицзэ через разделявший их стол, Шэнь Цзюань словно увидел в нём самого себя в годы юности.

Хозяйка шумно выдохнула: раз дело всего лишь в переломе, значит, ничего страшного. С мальчишками вечно приключаются всякие синяки да шишки.

— Ну и славно! Ты у нас такой красавец, если бы на всю жизнь в коляске остался — пропало бы дело, ни одна бы красотка замуж не вышла! — со смешком пошутила она.

Для человека, вращающегося в высших кругах и деловых сферах, такие прямолинейные и болезненные слова прозвучали дико — Шэнь Цзюань даже растерялся и не знал, что ответить. Врачи ведь вынесли Шэнь Сицзэ однозначный вердикт: шансов на то, что он когда-нибудь снова встанет на ноги, практически не было.

Как отреагирует Шэнь Сицзэ на эти слова? Шэнь Цзюань невольно вгляделся в его лицо, желая разгадать его мысли.

Кто бы мог подумать, что парень рассмеётся безо всякой тени смущения:

— А если мне нравятся мальчики?

Хозяйка на секунду опешила, а затем заливисто хохотала:

— Тогда придётся поискать такого, у которого есть квартира, машина и который будет носить тебя на руках!

Бай Цици рассмеялся вместе с ней, сощурив глаза.

Шэнь Цзюань никак не ожидал от Шэнь Сицзэ такой смелости — признаться в нетрадиционной ориентации прямо при нём, — и лишь удивлённо приподнял брови.

Уточнив у Шэнь Цзюаня предпочтения в еде, Бай Цици быстро сделал заказ. Вскоре на стол подали блюда, утопающие в алого цвета перце. Глаза Бай Цици засияли: это тело, как и он сам, совершенно не представляло жизни без острой пищи. При виде источающих восхитительный аромат, пышущих жгучей остротой сычуаньских яств в его желудке тут же заурчало.

Бай Цици даже не думал церемониться с Шэнь Цзюанем — раз уж тот угощает, а от пресной больничной стряпни семьи Шэнь его уже давно воротило, разве мог он упустить такую возможность? Стоило отправить в рот кусочек нежнейшей рыбы, как обжигающая острота смешалась с терпким ароматом сычуаньского перца. Насыщенный вкус, свежесть и нежность мгновенно привели в восторг проголодавшиеся вкусовые рецепторы парня.

С каждой новой порцией остроты Бай Цици чувствовал, как холод покидает его тело, конечности теплеют, а на лбу и кончике носа выступают мелкие капельки пота. От поднимающегося жара его белая кожа приобрела розоватый оттенок, превратившись в прекрасный, распутившийся бутон пиона. А безупречной формы губы стали ярко-алыми, ослепительно-красивыми!

Сам того не замечая, Шэнь Цзюань перестал есть и следил за каждым движением Бай Цици. Мужчина от природы не любил острое, но наблюдать за тем, как ест Шэнь Сицзэ, оказалось невероятно увлекательно. В его манере трапезничать не было показной утонченности, принятой за столом семьи Шэнь, всё выглядело очень просто и искренне, но от этого зрелище не становилось менее притягательным. Когда он подцеплял палочками лапшу в красном масле и отправлял её в рот, не раздавалось ни единого лишнего звука, а ярко-алые губы покрывались блестящим масляным слоем, пока щёки слегка раздувались, совсем как у хомячка. Белизна нефрита, перемешанная с цветом крови — переплетение этих двух оттенков заставило горло Шэнь Цзюаня едва заметно сжаться.

В Шэнь Сицзэ словно скрывалась какая-то тихая магия, заставлявшая неотрывно смотреть на него и поддаваться этому очарованию. Шэнь Цзюань был вынужден признать: парень действительно невероятно притягателен.

<http://bllate.org/book/20888/2111729>